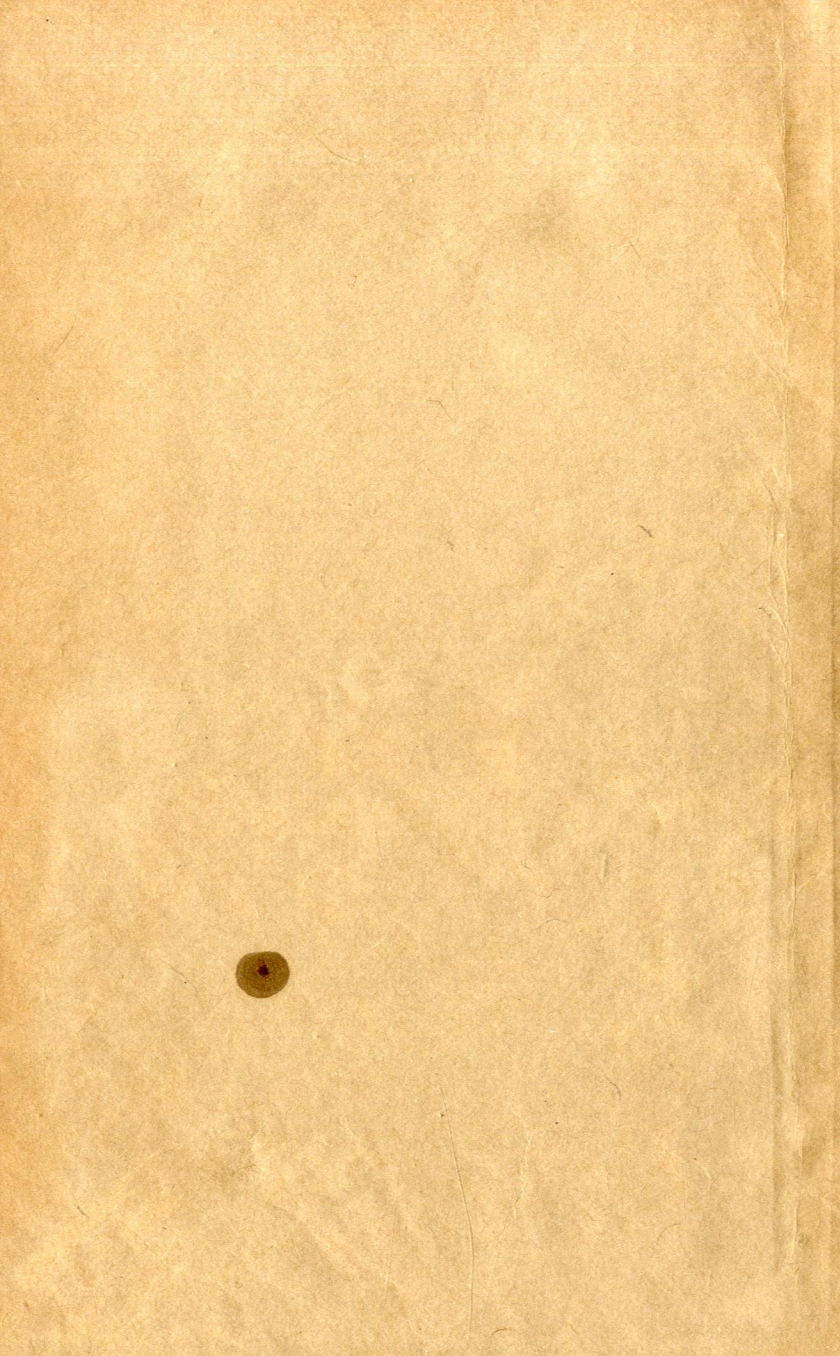

IV	31639
K-115	

К. С. 14/98.
И. Франко

4

Ив. Франко.

Къ свѣту!

Издан
Т^{ва}
Донская Ж^{нь} Р^{чь}

цѣна

3р.

98

Изданія „Донская Рѣчь“ въ Ростовѣ на Дону:

- В. Алексѣевъ—Земскіе соборы древней Руси 15 к.
 Н. Карышевъ—Экономическія бесѣды 20 к.
 Б. С.—Трудъ и Капиталъ. Первоначальныя свѣдѣнія по политическо-й экономіи 20 к.
 В. Строевъ—Московское Государство передъ реформами 20 к.
 А. А. Кизеветтеръ—Девятнадцатый вѣкъ въ исторіи Россіи . . . 15 к.
 А. А. Кизеветтеръ—Русское общество въ XVIII столѣтіи . . . 15 к.
 Феликсъ Гра—Марсельцы. Повѣсть изъ временъ французской революціи 35 к.
 А. Кизеветтеръ—Изъ исторіи законодательства въ Россіи XVII—XIX вв. 15 к.
 А. Кизеветтеръ—Протопопъ Аввакумъ 8 к.
 К. Каутскій—Противорѣчіе классовыхъ интересовъ во Франціи въ 1789 г.
 А. Кизеветтеръ—Кузнецъ-гражданинъ (изъ эпохи 60-хъ годовъ) 15 к.
1. В. Г. Короленко—Приемышъ (съ картинками) 2 к.
 2. В. І. Дмитріева—Майна-вира (съ картинками) 3 к.
 3. Е. Н. Чириковъ—Маленькій грѣшникъ 1 к.
 4. Л. Н. Андреевъ—Баргамоть и Гараська (съ картинк.) 1½ к.
 5. А. И. Свирскій—Захромала 1 к.
 6. Крадіевская—Для души . 2 к.
 7. Е. Н. Чириковъ—Свинья . 2 к.
 8. В. И. Немировичъ-Данченко—Старый замкъ . . . 3 к.
 9. А. И. Свирскій—З. Сракован-ный 2 к.
 10. С. Варанцевичъ—На посту 3 к.
 11. В. І. Дмитріева—Ее всѣ знаютъ 3 к.
 12. К. М. Станюковичъ—За «Щупленькаго» 2 к.
 13. Н. Н. Митропольскій—Вода 2 к.
 14. А. Серафимовичъ—Местъ . 3 к.
 15. Л. Мельникъ—Искорка . 3 к.
 16. Л. Мельникъ—Чортъ въ ярь 4 к.
 17. Л. Н. Андреевъ—Гостиноць 2 к.
 18. Л. Н. Андреевъ—Петька на дачѣ 2 к.
 19. В. І. Дмитріева—Мама на войнѣ 3 к.
 20. Л. Андреевъ—Въ Сабуровѣ 2 к.
 21. Н. П. Бѣлоконскій—Страховка 2 к.
 22. П. А. Гаашева—Мой день . 2 к.
 23. В. Г. Короленко—Ночью (съ рис. Е. Бемъ) 5 к.
 24. Н. Н. Тимковскій—Среди людей 5 к.
 25. С. Ф. Русова—Біографія Гарибальди (съ портр.) . . . 4 к.
26. С. Т. Семеновъ—Отчего Параша не выучилась грамотѣ 3 к.
 27. Н. Н. Златовратскій—Мечтатели 4 к.
 28. А. Купринъ—Ночная смѣна 3 к.
 29. Э. Ожешко—Годали . . . 3 к.
 30. С. Юшковичъ—Хаимка и Іоська 2 к.
 31. В. Вересаевъ—Въ пути . 1 к.
 32. И. Франко—Самъ виноватъ 1½ к.
 33. И. Алексѣевъ—Изъ захлѣба насущнаго, «Лишній» . . 1½ к.
 34. А. Серафимовичъ—Стрѣлочникъ 3 к.
 35. В. Вересаевъ—Въ сухомъ туманѣ 2 к.
 36. Н. Н. Митропольскій—Отсрочка 1 к.
 37. А. Яблоновскій—Удружилъ 1 к.
 38. И. Франко—Хорешій зароботокъ 1 к.
 39. А. Крадіевская—На работу 2 к.
 40. Остом—Поденщикъ . . . 2 к.
 41. Некрасовъ и Никитинъ—Избранныя стихотворенія . 4 к.
 42. И. А. Бунинъ—Вайбаки . 3 к.
 43. А. И. Петровскій—Не дался 1 к.
 44. В. І. Дмитріева—Бѣлыя крылья 2 к.
 45. А. Серафимовичъ—Въ бурю 3 к.
 46. А. Яблоновскій—Конокрадъ 3 к.
 47. И. Франко—На днѣ . . . 3 к.
 48. А. Купринъ—Молохъ . . 12 к.
 49. В. И. Немировичъ-Данченко—Воскресшая пѣснь . . 5 к.
 50. В. Вересаевъ—Повѣтріе . 4 к.
 51. Н. П. Бѣлоконскій—Деревня Печальная 3 к.
 52. В. І. Дмитріева—Волки . 3 к.
 53. В. Танаевская—Безпокойная 3 к.

Къ свѣту!

(Разсказъ арестанта).

Переводъ съ украинскаго Л. У.

I.

Ученые естествоиспытатели говорятъ, что слои воды, лежащіе на самомъ днѣ морской глубины, представляютъ изъ себя настоящую «мертвую воду». Огромный столбъ верхнихъ слоевъ, давящій каждую частицу нижняго, лишаетъ ее всякаго движенія, всякой жизни. Солнечный свѣтъ сюда не доходитъ, здѣсь не водится никакихъ живыхъ существъ, не отзываются здѣсь даже ни единымъ отголоскомъ ни водяныя теченія, ни бури, ни землетрясенія. Единственное движеніе, какое здѣсь можно бы наблюдать, это вѣчное, безпрестанное паденіе миллионъ труповъ и скелетовъ отъ живыхъ существъ, которыя нѣкогда, порой довольно таки давно, жили и гуляли тамъ, вверху, красовалось на солнцѣ, купались въ теплѣ, качались на могучихъ морскихъ волнахъ. Погибнувъ, они медленно, медленно опускаются внизъ—особенно эти маленькія фораминиферы, діатомеи*) и прочая мелюзга, составляющая главную массу морского населенія,—трупы ихъ медленно проникаютъ въ слои, все болѣе и болѣе насыщенные кислородомъ и углекислотой, разлагаются, какъ бы сгораютъ въ нихъ, и только спустя много времени, въ видѣ микроскопическихъ шариковъ и кристалликовъ, достига-

*) Мелкія, мягкотѣлыя морскія животныя.

ф | IV
K-115

ють дна и ложатся на этомъ большомъ кладбищѣ, чтобы въ будущемъ, черезъ тысячи лѣтъ, создать мѣловую скалу.

Должно быть тяжело и грустно этимъ нижнимъ слоямъ воды вѣчно стоять и цѣпенѣть на мертвомъ днѣ, въ страшной тѣмѣ, подъ неслыханнымъ гнетомъ, среди однихъ труповъ. Тяжело и грустно имъ, особенно, если въ нихъ скрыто отзовется та вѣчная, неистребимая сила, безъ которой нѣтъ ни единой частицы въ природѣ. Живая, неистребимая сила внутри, а вокругъ—тьма, гнетъ ужасный и безконечное кладбище! А что, если въ этихъ несчастныхъ, на вѣчную смерть осужденныхъ частицахъ зашевелится порой, разъ въ тысячелѣтіе, легкій оттѣнокъ мысли—вы думаете, что это невозможно?—Но вѣдь и нашъ мыслящій мозгъ, что же онъ такое, если не собраніе тѣхъ же частицъ кислорода, углерода и другихъ элементовъ?—О, какъ горька, мучительна должна быть подобная мысль—греза этихъ морскихъ частицъ!

— Мать-природа! Откуда такая несправедливость къ намъ? Неужели мы хуже тѣхъ, которые тамъ вверху надъ нами гуляютъ, качаются и красуются въ чудномъ свѣтѣ? И отчего бы тебѣ не установить очереди, отчего бы не отпустить насъ хоть на минутку туда, вверху?

Но мать-природа не знаетъ чувствительности и не слушаетъ мечтаній.

— Стану я съ вами, дураками, возиться!—ворчитъ она,—если чувствуете въ себѣ силу, такъ пробуйте сами вырваться наверхъ! Точно мнѣ дѣлать нечего, стану я еще васъ подымать!

Да, пробуйте сами вырваться!

Не случилось ли вамъ видѣть подобныя явленія въ жизни человѣческой? Охъ, случилось, милые мои, кому же не случилось ихъ видѣть? И отъ каждого такого случая ныло ваше сердце, и теперь еще ноетъ, если вы попытаетесь поставить себя мысленно въ положеніе этихъ бѣдныхъ живыхъ частицъ человѣческаго общества, осужденныхъ завистливой судьбой на вѣчную тьму, на тупой за-

стой, на безвѣстную смерть. Вѣдь и мы всѣ—развѣ мы не такой же нижній слой среди народовъ? Развѣ каждое сильное, здоровое движеніе свободныхъ и счастливыхъ народовъ не отзывается болью, гнетомъ, толчкомъ на нашъ народномъ тѣлѣ?

А каждый изъ тѣхъ, которые цѣною страшныхъ усилий, иногда цѣною существованія самыхъ близкихъ людей, вырвались хоть на одну ступень выше этого темнаго спуда,—развѣ онъ не чувствуетъ порой невольнаго ужаса и боли при одной мысли объ этомъ спудѣ и о томъ, что не будь того или иного счастливаго стеченія обстоятельствъ, онъ, пожалуй, и понынѣ пропадалъ бы тамъ, темный, безпомощный, былъ бы не человѣкомъ, а частицей *массы* *человѣческой*? И развѣ не заболитъ наше сердце при воспоминаніи о тысячахъ тысячъ такихъ, которые, подобно намъ, силились вырваться изъ этой тьмы, тосковали о свѣтѣ, стремились къ свободѣ и теплу—и все напрасно! И не почувствуемъ ли мы жуткой дрожи, вспоминая о жизни и кончинѣ такихъ никому неизвѣстныхъ, забытыхъ, часто перепранныхъ и оплеванныхъ единицъ, и когда намъ станетъ ясно, что иногда только глупѣйшее въ мірѣ обстоятельство, слѣпой случай, шутка, необдуманное слово, одна пылинка столкнула ихъ съ дороги и навѣки сбросила обратно въ ту тьму, изъ которой они вотъ-вотъ уже собирались вырваться на волю?...

Такія мысли сверлили мой мозгъ и отгоняли сонъ отъ моихъ глазъ во время долгихъ, долгихъ ночей и дней проведенныхъ въ тюрьмѣ. Мои товарищи по несчастью, которыхъ и самихъ что-то сверлило и мутило внутри, не могли найти для меня слова утѣшенія, напротивъ, я видѣлъ, что они сами часто гораздо больше нуждались въ такомъ цѣлительномъ словѣ. Чтобы не сойти съ ума среди этой сутолоки горя, мы разговаривали, рассказывали другъ другу—не о себѣ, а о другихъ, далекихъ, и все таки о горѣ. Одинъ изъ такихъ рассказовъ, который глубже другихъ затронулъ меня, я предлагаю теперь читателямъ. Тотъ, кто

мнѣ это разсказалъ, былъ—я умолчу о его «спеціальности» — парень еще молодой, полный силъ и отваги, не лишенный добраго, истинно человѣческаго чувства, воспитанный помѣщански, кончившій народную школу, учившійся ремеслу; словомъ, онъ тоже немало потратилъ силы и средствъ, чтобы выкарабкаться наверхъ, выйти въ люди,—ну, а вышелъ онъ... Но не объ этомъ рѣчь!

Шестой разъ уже сидѣлъ онъ подъ замкомъ и зналъ весь арестантскій обиходъ, чуть не всю исторію каждой камеры: кто въ ней сидѣлъ, за что, на какой срокъ былъ осужденъ, какъ обращались съ арестантами прежде и какъ теперь, и т. д. Это была живая тюремная лѣтопись Надзиратели считали его неугомоннымъ бунтаремъ и давали ему это чувствовать безпрестанными дисциплинарными наказаніями. Но онъ не унимался и вспыхивалъ, какъ порохъ, едва только замѣчалъ, что гдѣ нибудь поступаютъ не по правиламъ, что въ чемъ нибудь обижаютъ арестанта. Особенно часто бывали у него стычки съ часовымъ, который ходитъ подъ окнами тюрьмы и долженъ смотрѣть за тѣмъ, чтобы арестанты не выглядывали въ окна и не разговаривали другъ съ другомъ. Нѣсколько разъ солдатъ грозилъ ему, что будетъ стрѣлять, если онъ не уйдетъ отъ окна, но онъ преспокойно сидѣлъ, не говоря ни слова, и только когда солдатъ начиналъ щелкать куркомъ, онъ соскакивалъ съ подоконника и кричалъ:

— Ну, ты! вѣдь я знаю, что ты не смѣешь стрѣлять!

— А почему вы это знаете?—спросилъ я разъ.

— Какъ это, почему знаю! я самъ былъ свидѣлемъ, самъ видалъ!

— Что видали?

— Э, да это цѣлая исторія, послѣ которой часовымъ запретили стрѣлять! Вотъ лучше я вамъ ее разскажу пусть тамъ бѣдный рекрутъ не беспокоитъ себя. Вѣдь и, онъ, бѣдняга, что ему прикажутъ, то и долженъ исполнять.

II.

— Два года тому назадъ,—началь онъ,—вотъ какъ разъ два года кончилось, сидѣлъ я тогда въ этой дырѣ подь слѣдствіемъ. Двое насъ только было тогда въ камерѣ, я и какой то баринокъ, Журковскій по прозванью. Кто онъ такой былъ и за что сюда попалъ, этого я уже не помню. Какъ то разъ вечеромъ, уже послѣ вечерняго обхода, мы уже раздѣлись и спать легли, вдругъ слышимъ шаги тюремщика и громкій скрипъ ключей въ замкахъ. Наконецъ, отперъ. Въ камеру ворвался снопъ желтаго свѣта отъ фонаря, и въ этомъ свѣтѣ мы увидали какую то съезженную, полуголую, тощую фигурку. Тюремщикъ толкнулъ ее впередъ и втолкнулъ въ камеру,—она, видимо, не могла попасть туда сама достаточно скоро.

— Вотъ тутъ тебѣ одѣяло и простыня!—крикнулъ тюремщикъ, бросивъ эти вещи на голову фигуркѣ, и прибавивъ ее этимъ почти къ землѣ,—ложись спать, посуду получишь завтра.

Сказавъ это, тюремщикъ заперъ дверь и ушелъ. Въ камерѣ стало темно, какъ въ погребѣ и тихо, какъ въ могилѣ. Только изрѣдка мы слышали, будто кто-то рубить ножами мясо на доскѣ,—это нашъ новый товарищъ зубами стучалъ. Осень, видите ли, была уже поздняя, двѣ недѣли послѣ «всѣхъ святыхъ»*), холодъ такой, что упаси Господи.

— Кто ты такой? спрашиваю я окоченѣвшаго товарища, не вставая съ постели, согрѣлся уже было я кое-какъ, и не хотѣлось вставать, а въ камерѣ было таки холодно, потому что окно должно было стоять открытымъ—иначе духота.

— Товарищъ нашъ молчитъ, только еще пуще забилъ Тревогу зубами, и сквозь эту дробь слышно стало

*) Праздникъ „всѣхъ святыхъ“ у католиковъ и униатовъ приходится на 1-е ноября нов. стиля.

всхлипыванье. Жаль мнѣ стало парнишку, потому что я уже догадался, что это какой то совсѣмъ еще зеленый «фрейеръ» *). Всталъ я и постлалъ ему ошупью постель.

— Ну, ну,—говорю,—тише, не плачь! раздѣвайся и ложись спать!

— Не... не... мо...гу,—едва пролепеталъ онъ.

— Почему?

— Я... я... очень... озябъ.

Господи! я къ нему, а онъ весь окоченѣлъ, словно кость, ни рукой, ни ногой пошевелить не можетъ. Какимъ только чудомъ дошелъ онъ до камеры, не понимаю. Всталъ и баринокъ мой, сняли мы съ парня его лохмотья и раздѣли его совсѣмъ догола, растерли хорошенько, завернули въ простыню и одѣяло и положили въ постель. Черезъ какихъ нибудь четверть часа слышу я, вздыхаетъ онъ, шевелится.

— А что? лучше тебѣ?—спрашиваю его.

— Лучше.

— Руки, ноги оттаяли?

— Еще не совсѣмъ, но уже лучше.

— А ты откуда?

— Изъ Смерекова.

— Такъ тебя вѣрно жандармъ привелъ?

— Ну, да. Гналъ онъ меня сегодня съ самага утра чуть что не голаго и босого по морозу. Десять разъ я падалъ по дорогѣ, не могъ итти. Онъ меня билъ ремнемъ, такъ я уже шелъ, что дѣлать? Только въ корчмѣ въ Збоискахъ, немного мы отдохнули, тамъ еврей мнѣ водки далъ.

— А какъ же тсбя зовутъ?

— Іоська Штернъ.

— А, такъ ты жидъ?

— Ну да, жидъ.

— А чортъ тебя подери! Хоть убей, не узналъ бы

*) Новичокъ.

я изъ твоего разговора, что ты жидъ, такъ ты чисто по нашему говоришь.

— Что жъ, я выросъ на деревнѣ, между мужиками. Я былъ пастухомъ.

— А сколько тебѣ лѣтъ?

— Шестнадцать.

— Да за что же это тебя сюда, въ самый этотъ острогъ упрятали?

— Ахъ, я не знаю! Говорилъ жандармъ, что мой хозяинъ пожаловался на меня за кражу со взломомъ, только я, ей Богу, ничего не укралъ, только свои бумаги, ей Богу, только свои бумаги!

И онъ сталъ всхлипывать и ревѣть, какъ дитя.

— Ну, ну, молчи, глупый,—говорю,—ты это все завтра судѣе разскажешь, а меня это вовсе не касается. Спи теперь.

— Ахъ, жандармъ говорилъ, что меня повѣсятъ!—причиталь Юська.

— Да ты ошалѣлъ, что-ли? крикнулъ я,—курамъ на смѣхъ! гдѣ это ты слыхалъ, чтобы за такіе пустяки вѣшали?

— А мой хозяинъ говорилъ, что меня закатаютъ на десять лѣтъ въ острогъ.

— Ну, ну, не бойся, Богъ милостивъ, перемелется. Только спи теперь, а завтра поговоримъ днемъ.

Мы замолчали, и я скоро захрапѣлъ. Только и хорошаго въ тюрьмѣ, что сплю, словно заяцъ въ капустѣ.

III.

Только на другой день могли мы хорошенько рассмотреть новичка. Мнѣ даже смѣшно стало, что я вчера могъ не узнать въ немъ сразу жида. Рыжій, съ пейсами, носъ изогнутый, какъ у стараго ястреба, фигура съезженная, хотя на его возрастъ вовсе не тощая и хорошаго роста. А вчера, когда мы его растирали впотѣмахъ и только слова его слышали, объ этомъ вовсе нельзя было догадаться!

И онъ тоже со страхомъ сталъ озираться по камерѣ, какъ испуганная бѣлка. Онъ поднялся, когда мы съ бариномъ еще оба лежали, умылся, оправилъ свою постель и сѣлъ на ней въ углу, да ужъ и не шелохнется, словно заколдованный.

— А что, голоденъ ты?—спрашиваю его.

Молчитъ, только еще какъ-то больше съежился.

— Ты чтонибудь вчера ѣлъ?—спрашиваетъ баринъ.

— Да... вчера... когда жандармъ собирался меня вести, войтиха дала мнѣ немного шей и кусокъ хлѣба.

— А, вотъ какъ, теперь уже знаемъ! улыбнулся баринъ.

Далъ ему позавтракать — изрядный кусокъ хлѣба и вчерашнюю котлету. Бѣдняга даже задрожалъ. Хотѣлъ какъ-то благодарить, да только слезы на глазахъ показались.

И вотъ, видите, еще одна неожиданность объявилась въ этомъ мальчуганѣ. На видъ онъ совсѣмъ жидъ, а въ натурѣ его, казалось, не было какъ есть ничего того, что называютъ «жидовщиной». Тихій, послушный, безъ всякаго признака самохвальства, не охотникъ до разговоровъ, но если, бывало, прикажешь ему чтонибудь сдѣлать, такъ онъ бросался къ работѣ, какъ искра. Было что-то такое натуральное, мужицкое во всей его повадкѣ. Когда нечего было дѣлать—а какая тамъ у насъ въ камерѣ работа!—онъ любилъ сидѣть молча въ уголкѣ, скорчившись, охвативъ руками колѣни и положивъ на колѣни подбородокъ, только глаза, бывало, блестятъ изъ темнаго уголка, словно у любопытной мышки.

— Ну, Расскажи-ка намъ, какую ты это такую страшную кражу совершилъ, что жандармъ тебѣ за нее даже висѣлицей грозилъ?—спросилъ его разъ баринъ, когда уже было видно, что мальчишка нѣсколько успокоился и освоился.

— Ахъ, баринъ, — сказалъ Юська и задрожалъ всѣмъ тѣломъ,—долго это говорить, а мало слушать. Это очень глупая исторія.

— Ну, ну, рассказывай, а мы послушаемъ. Все равно, тутъ намъ нечего болѣе умнаго дѣлать, такъ можемъ и глупую исторію послушать.

— Рость я у Мошки, кабатчика въ Смерековѣ,— началъ Іоська,—сначала я игралъ вмѣстѣ съ его дѣтьми и называлъ Мошку «тате», а Мошиху «маме». Я думалъ, что они мои родители. Но скоро я замѣтилъ, что Мошка своимъ дѣтямъ заказываетъ хорошіе халатики, а Мошиха одѣваетъ ихъ каждую пятницу въ чистыя рубашечки, а я въ то же время, ходилъ грязный и оборванный. Когда мнѣ кончилось семь лѣтъ, мнѣ приказали смотрѣть за гусями, чтобы они не дѣлали потравъ. Мошиха не смотрѣла, холодно ли, дождь ли идетъ, или жарко, а все выгоняла меня изъ дому на лугъ и все меньше да меньше давала ѣсть. Терпѣлъ я голодъ, плакалъ не разъ на лугу, но все это ничуть не помогло. Деревенскіе мальчики лучше со мной обращались. Они давали мнѣ хлѣба, сыру, допускали меня къ своимъ играмъ. Привыкъ я къ нимъ, а потомъ сталъ ихъ выручать въ присмотрѣ за гусями. Былъ я на свои лѣта сильный и ловкій, и деревенскія хозяйки начали сами довѣрять мнѣ своихъ гусей, а потомъ телятъ, когда ихъ дѣти должны были ходить въ школу. За это я получалъ отъ нихъ хлѣбъ, горячее, а иногда, въ праздникъ, и нѣсколько крейцеровъ. Мошиха была очень скупа, такъ она и рада была, что я дома ѣсть не просилъ. Но когда Мошкины дѣти узнали, что я ѣмъ мужицкую стряпню, такъ прозвали меня «трефнякомъ» *), и начали меня дразнить, а потомъ и сторониться отъ меня.

Сначала мнѣ это ничего не мѣшало, но скоро я почувствовалъ эту непріязнь очень больно.

Мошка нанялъ своимъ мальчикамъ бельфера (учителя), чтобы онъ училъ ихъ чтенію и письму. Это было зимой, такъ что и у меня было свободное время. Но когда я подошелъ къ нимъ, чтобы и себѣ поучиться читать, то

*) Трефнякъ—тотъ, который ѣстъ „трефное“, т. е. запрещенную еврейской религіей пищу.

мальчики стали кричать, толкать меня и щипать и, наконецъ, со слезами заявили матери, что они вмѣстѣ съ «трефнякомъ» учиться не станутъ. Кажется, сама Мошиха ихъ къ этому подговорила, очень ужъ меня эта вѣдьма ненавидѣла, хотя и не знаю, за что. Поэтому она сейчасъ, какъ только дѣти подняли крикъ, прибѣжала и вытолкала меня вонъ изъ комнаты, говоря, что ученье не для меня, что они слишкомъ бѣдны для того, чтобы еще для всякихъ нищихъ держать бельферовъ. Заплакалъ я, да что подѣлаешь? Пойду, бывало, на деревню, играю съ деревенскими ребятишками, или присматриваюсь, какъ старшіе мастерятъ телѣги, сани или другую утварь. Часто цѣлой толпой бѣгали мы къ кузнецу, кузница котораго стояла на краю села, и тамъ по цѣлымъ часамъ присматривались къ работѣ. А такъ какъ я былъ сильнѣе всѣхъ мальчиковъ, то кузнецъ не разъ приказывалъ мнѣ раздувать мѣхъ, или молотомъ ударить, или точило вертѣть. И какъ же я тогда былъ счастливъ! Какъ я горячо желалъ, если ужъ ученье не для меня, такъ хотъ имѣть въ рукахъ какое либо ремесло!

Весной опять возвращался я на лугъ, къ гусямъ и телятамъ, которыхъ Мошка скупалъ по окружнымъ деревнямъ и, продержавъ немного, возилъ во Львовъ продавать. Смерековскій лугъ великъ, изрѣдка только поросъ кустами, такъ мнѣ и не приходилось много бѣгать. Бывало, сяду себѣ гдѣ-нибудь на пригоркѣ, отточу ножикъ и давай строгать, долбить, вырѣзывать что-нибудь изъ дерева. Сначала маленькія лѣсенки, плуги да бороны, потомъ клѣтки, вѣтряныя мельницы да вѣялки. Черезъ годъ я былъ уже такимъ мастеромъ, что всѣхъ деревенскихъ ребятъ за поясъ заткнулъ. Сталъ я фабриковать трещетки да скрипучія чучела для отпугиванія воробьевъ отъ пшеницы, проса, коноплянниковъ, и продавалъ я такія чучела по десять крейцеровъ за пару. Скоро я заработалъ столько, что могъ уже купить себѣ кое-какіе столярные инструменты: долотъ

ца, буравчики и пр. Дальше я принимался уже за вещи покрупнѣе, охота у меня была такая. Чуть что увижу, такъ сейчасъ мнѣ и хочется это сдѣлать. Зимой сидѣлъ я по цѣлымъ днямъ то у столяра, то у кузнеца, помогая имъ и приучаясь къ ихъ работѣ. Было мнѣ ужъ шестнадцать лѣтъ, а Мошка и не думалъ выводить меня въ люди—сдѣлалъ изъ меня пастуха, да больше и не заботился ни о чемъ. Я даже не зналъ, кто я такой родомъ. Въ деревнѣ знали только, что Мошка привезъ меня откуда-то маленькимъ; былъ даже слухъ, будто я сынъ какого-то Мошкина родственника, который не оставилъ послѣ себя никого, кромѣ меня, а вмѣстѣ со мной немалое наслѣдство, и что будто Мошка захватилъ и присвоилъ это наслѣдство себѣ.

— Жаль тебя, Іоська,—говорили мнѣ иногда мужики,—такой ты разбитной парень и къ ремеслу охочъ, а что изъ тебя выйдетъ?

— Что же можетъ выйти? отвѣчалъ я,—выйдетъ мірской пастухъ.

— Эхъ, совѣсти нѣтъ у Мошки, что онъ такъ о тебѣ не думаетъ!

— Онъ говоритъ, что онъ бѣденъ, что нѣтъ у него средствъ,—говорилъ я.

— Не вѣрь ты старой лисѣ! Есть у него деньги и даже немалыя, да онъ все своимъ «бахорамъ» (дѣтямъ) припасаеъ. А тебя вотъ даже Богу молиться не научилъ.

Во мнѣ что-то бунтовалось отъ такихъ словъ. Началъ я самъ о себѣ думать.

— Въ самомъ дѣлѣ,—думаю,—чего я тутъ, дождусь? Даромъ на Мошку работать это я всегда успѣю. Хоть бы ремеслу какомунибудь выучиться, все же былъ бы свой кусокъ хлѣба въ рукахъ. Да какъ же мнѣ этого добиться? Какъ мнѣ вырваться отъ Мошки? Куда мнѣ дѣваться, особенно, когда я даже не знаю, откуда я родомъ, кто былъ мой отецъ, и есть ли у меня гдѣ-нибудь родня?

Наша корчма стояла на большой дорогѣ. Въ нее часто заходили жандармы, ведя съ собой скованныхъ аре-

стантовъ во Львовъ или въ Жовкву. Сначала я страшно боялся этихъ дюжихъ, грозныхъ молодцовъ, одѣтыхъ въ темное, съ ружьями на плечахъ и въ шапкахъ съ блестящими султанами изъ пѣтушыхъ перьевъ. Со страхомъ и трепетомъ, съжившись у печки, слушалъ я часто, какъ они разговаривали съ Мошкой или съ деревенскими хозеями. Говорили они обыкновенно о страшныхъ для меня вещахъ: о пожарахъ, о ворахъ, о бродягахъ, и въ этихъ разговорахъ я очень часто слышалъ слово: «бумаги». «Если у него нѣтъ бумагъ, сейчасъ же его задержать». «Ого, вижу, у него бумаги не въ порядкѣ». «Если бы у него была хоть одна путная бумага, я бы его отпустилъ». — Да что же это за бумаги такія, — думалъ я не разъ, — что такая въ нихъ сила есть, что одна бумага можетъ прохожаго человѣка защитить отъ жандарма съ ружьемъ и съ пѣтушимъ султаномъ? Но я не могъ найти на это отвѣта и тѣмъ сильнѣе пугала меня мысль о бумагахъ. Какъ же я могу пуститься въ путь, не имѣя бумагъ? Вѣдь меня сейчасъ же, на первомъ шагу поймаетъ жандармъ и поведетъ Богъ вѣсть на какія муки! Я дрожалъ всѣмъ тѣломъ при этой мысли. Чѣмъ я чаще думалъ объ освобожденіи отъ Мошки, тѣмъ чаще грезились мнѣ эти бумаги. Онѣ даже снились мнѣ, эти бумаги, старыя, пожелтѣвшія, съ огромными печатями, смотрѣли на меня съ грознымъ, сморщеннымъ лицомъ, или смѣялись надо мной противными, беззубыми ртами. Я былъ тогда очень несчастенъ. Всѣ, кого только я объ этомъ спрашивалъ, подтверждали, что безъ бумагъ ни въ путь пуститься невозможно, ни быть принятымъ къ кому либо въ ученье. Но откуда же я возьму эти бумаги? Кузнецъ совѣтовалъ мнѣ спросить о нихъ Мошку, — вѣдь онъ долженъ же былъ получить какія нибудь бумаги послѣ моего отца.

Да, спросить у Мошки! Если бы мнѣ было такъ легко подойти къ Мошкѣ! Прежде, когда я былъ малъ, онъ былъ со мной привѣтливѣе, когда же я началъ подростать, онъ меня сдалъ совсѣмъ на руки своей женѣ-вѣдьмѣ и

почти никогда ни о чемъ со мной не разговаривалъ. Мнѣ даже казалось, что онъ избѣгалъ меня. Съ тѣхъ поръ какъ мнѣ люди сказали, что онъ, должно быть, взялъ деньги послѣ моего отца, я началъ внимательнѣе присматриваться къ нему; я понималъ что такое мое вниманіе беспокоитъ его,—онъ какъ то безпокойно мялся, когда мы порой оставались наединѣ, какъ будто его что-то грызло.—А что,—думаю себѣ,—если бы когда нибудь этакъ, когда жены дома не будетъ, напасть на него вдругъ, можетъ быть, и удалось бы узнать отъ него хоть что-нибудь? Вотъ и рѣшился я, при случаѣ, такъ и сдѣлать.

Случай такой скоро выдался. Мошиха уѣхала въ Жовкву, въ корчмѣ никого не было, только одинъ Мошка, вотъ я подошелъ ему и говорю:

— Ребъ (господинъ) Мойше, люди говорятъ, что у тебя есть какія-то бумаги послѣ моего отца.

Мошка вздрогнулъ, будто его оса ужалила.

— А ты это откуда знаешь?

— Да люди говорятъ.

— Какіе такіе люди?

— Да всѣ какъ есть на деревнѣ.

— Ну, а тебѣ зачѣмъ эти бумаги? Вѣдь ты даже читать не умѣешь!

— Да, но все-таки я хотѣлъ бы знать. Значить, онъ у тебя есть?

— Есть, есть, эти нищенскія бумажонки! крикнулъ Мошка, раздраженно, какъ будто я не знаю, какую неприятность сказалъ.

— Нищій былъ твой отецъ, растратилъ все добро, а тебя мнѣ на бѣду оставилъ. Какая мнѣ отъ тебя польза?

— Знаешь что, ребъ Мойше,—говорю я,—отдай мнѣ эти бумаги. Я себѣ уйду, если я тебѣ не нуженъ.

— Что? заоралъ Мошка,—ты хочешь уйти? Да куда же ты, дуракъ, пойдешь?

— Я бы хотѣлъ поступить куда нибудь въ ученье, поучился бы ремеслу.

Мошка захохоталъ во все горло.

— Ступай, ступай, капустаная твоя башка! Ты думаешь, тебя кто нибудь приметъ? Вѣдь за ученье заплатить надо, а къ тому же еще надо умѣть читать и писать, да еще и не по-еврейски, а по-гоевски*).

Я словно остоленѣлъ. Наконецъ, собрался съ духомъ и сказалъ:

— Такъ ты хоть покажи мнѣ эти бумаги, я хочу посмотрѣть на нихъ.

— Тьфу!—крикнулъ Мошка,—вотъ присталъ, словно репыхъ къ тулупу! Ну, ступай, покажу тебѣ твои сокровища! Еще счастье твое, что я ихъ до сихъ поръ не сжегъ!

Это послѣднее слово поразило мое сердце, какъ ножомъ. А что, если бы Мошка и въ самомъ дѣлѣ сжегъ мои бумаги? Вѣдь я былъ бы тогда безпомощенъ, какъ листъ, оторванный отъ дерева. Ни самъ бы я не зналъ своего происхожденія, ни меня никто не зналъ бы. Я бы тогда съ мѣста двинуться не смѣлъ, я былъ бы навсегда прикованъ къ Мошкиной скамьѣ, былъ бы закабаленъ на всю жизнь. Дрожь меня прошибла при этой мысли, какой-то тусклый свѣтъ замерцалъ передъ глазами. Съ большимъ усиліемъ овладѣлъ я собой и пошелъ спокойно за Мошкой въ чуланъ.

Чуланъ этотъ былъ деревянный, пристроенный сзади къ корчмѣ, а входъ въ него былъ изъ сѣней. Въ немъ было только одно узкое окошечко, забитое накрестъ желѣзными полосами. Тамъ Мошка пряталъ всякія вещи, которыя бралъ отъ мужиковъ въ залогъ, и все, что было у него подороже. Тамъ было полно тулуповъ, барашковыхъ шапокъ, сапогъ, въ сундукѣ лежали кораллы, люди говорили даже, что тамъ на днѣ были у него старинные дукаты и талеры. Нѣсколько разъ пробирались къ этому чулану воры, но никогда не могли его взломать, потому

*) По-христіански.

что былъ онъ крѣпко построенъ, а Мошка держалъ чуткихъ собакъ. Дверь чулана была низкая и узкая, Мошка долженъ былъ наклониться, чтобы войти внутрь. За нимъ вошелъ и я.

— А ты сюда зачѣмъ? огрызнулся онъ на меня.

— Какъ зачѣмъ? Вѣдь ты велѣлъ мнѣ итти.

— Да вѣдь не сюда же! подожди въ сѣняхъ!

— Все равно,—говорю,—я подожду и здѣсь, вѣдь я ничего здѣсь у тебя не съѣмъ!

Мошка вытаращилъ глаза и уставился на меня, какъ будто онъ меня въ первый разъ въ жизни увидалъ. Не знаю, что ему во мнѣ не понравилось, только онъ плюнулъ и отвернулся. Потомъ онъ взлѣзъ на сундукъ, протянулъ руку къ полкѣ, прибитой подъ самымъ потолкомъ и досталъ оттуда пачку пожелтѣлыхъ бумагъ.

— Вотъ твои дрянныя бумаги,—буркнулъ онъ, показывая мнѣ ихъ издали.

— Дай, я хочу ихъ разсмотрѣть,—говорю я и протягиваю руку.

— Ну, что же ты, дуракъ, въ нихъ увидишь,—отвѣтилъ Мошка,—и зачѣмъ тебѣ это? Сиди у меня, если тебѣ здѣсь хорошо, и не ищи себѣ бѣды!

И онъ положилъ бумаги опять на полку.

— Пойдемъ отсюда,—говорить онъ,—теперь можешь успокоиться. А что тебѣ люди обо мнѣ говорятъ—я знаю, у людей языки длинные—ты тому не вѣрь. Это все враки!

— Что враки? спрашиваю я.

— Эхъ, съ тобой говорить все равно, что горохомъ о стѣну бить,—проворчалъ Мошка и почти вытолкалъ меня изъ чулана, а потомъ, заперевъ его на ключъ и на замокъ, пошелъ въ корчму.

IV.

Юська замолчалъ на минуту. Журковскій, который внимательно слушалъ его рассказъ, улыбнулся и сказалъ:

— Ну, ты говорилъ, что это будетъ глупая исторія, а ты вотъ рассказываешь, будто по книгѣ читаешь.

— Эхъ, баринъ, то, что до сихъ поръ было, это еще не была глупая исторія. А вотъ теперь начинается глупость. А что я гладко рассказываю, такъ не удивляйтесь. Я научился на деревнѣ сказки рассказывать, память у меня хорошая и какъ только услышу разъ какуюнибудь сказку, такъ потомъ расскажу ее еще лучше и интереснѣе, чѣмъ тотъ, отъ кого я ее слышалъ. Прошлой зимой меня такъ всѣ въ деревнѣ за эти сказки полюбили, что ни одни *вечерницы* (посидѣлки) безъ меня не обходились.

— Э, да ты, какъ я вижу, мастеръ на всѣ руки!

— Охъ, баринъ,—отвѣтилъ Іоська; вздохнувъ,—не знаю, что это значить, но мнѣ кажется, что въ томъ то и горѣ мое. Когда я чувствую, что я могу что-то сдѣлать, что могу чемунибудь выучиться, то такъ меня что-то и жжетъ внутри, такъ и давить, такъ и мучить, и нѣтъ мнѣ ни минуты покоя, пока я этого не сдѣлаю, не узнаю, не выучусь. Вѣдь не что иное, какъ это и въ острогъ меня привело.

— Ну, ладно, рассказывай.

Но Іоська не могъ въ этотъ разъ кончить своего рассказа, потому что именно въ ту минуту отворилась дверь нашей камеры. Іоську позвали на допросъ.

— Это необыкновенный мальчикъ,—пробормоталъ баринъ и началъ ходить, задумавшись, по камерѣ.

— А мнѣ кяжется, что онъ много вретъ,—говорю я,—привыкъ онъ тамъ мужикамъ сказки рассказывать, вотъ и намъ сказку рассказалъ.

— Ты такъ думаешь?

— А что же, развѣ этого не можетъ быть?

— Конечно, возможно, но его лицо говоритъ за него. Впрочемъ, еще будетъ у насъ время исподволь убѣдиться.

На допросъ Іоська сидѣлъ недолго, не больше полу-

часа. Пришелъ онъ гораздо веселѣе и спокойнѣе, чѣмъ уходилъ.

— Ну, что же,—спрашиваю его,—не съѣлъ тебя судья?

— Э, что тамъ, судья добрый человѣкъ.—Признаться я таки сильно трусилъ его сначала, въ деревнѣ мнѣ говорили, что здѣсь на допросахъ бьютъ и жгутъ подошвы раскаленнымъ желѣзомъ.

— Ха-ха-ха,—захохоталъ я,—теперь то я знаю, отчего ты по ночамъ такъ ворочался, кричалъ да охалъ. Тебѣ, видно, снилось, что тебѣ жгутъ подошвы.

— Охъ, не смѣйтесь, пожалуйста, мнѣ и подумать страшно объ этихъ снахъ, столько я въ нихъ натерпѣлся. А все по-пустому. Судья такой добродушный, говорилъ со мной по-человѣчески, не кричалъ, не пылилъ, не билъ меня такъ, какъ жандармъ.

— А развѣ тебя жандармъ билъ?—спросилъ Журковский.

— Охъ, баринъ, я думалъ, что онъ изъ меня душу выколотить. Посмотрите только на мои плечи!

И Юська снялъ рубашку. Мы такъ и ахнули! Всѣ плечи мальчика были покрыты синяками и рубцами съ засохшей кровью.

— Ну, о чемъ же тебя спрашивалъ судья?—первый заговорилъ Журковский.

— Да вотъ все объ этой несчастной кражѣ, какъ оно было.

— Ну, и что же?

— Да, что же? я ему рассказалъ все, какъ было, да и только. Онъ написалъ протоколъ и приказалъ меня увести.

— Ну, такъ Расскажи теперь и намъ, какъ это было.

— Да какъ было! Вы уже знаете, какая была моя жизнь у Мошки. Не хотѣлъ я дольше у него оставаться, а къ тому же еще боялся, что если я ему еще разъ какъ

нибудь напому о бумагахъ, то онъ возьметъ да и сожжетъ ихъ. Вотъ я и надумался украсть ихъ самъ. Мнѣ легче было добраться до чулана, чѣмъ постороннему вору: меня и собаки знаютъ, и самъ я знаю всѣ входы и выходы въ домъ. Сначала хотѣлъ я выкрасть у Мошки ключи, но онъ видно почуялъ что-то и носилъ ихъ всегда при себѣ, или пряталъ гдѣ-то такъ, что я не могъ найти. А меня горячка разбирала, какъ только я въ мысляхъ своихъ постановилъ, чтобы добыть свои бумаги. Тутъ уже ни о чемъ неумоготу было думать, только объ этомъ. Да и что, наконецъ, было мнѣ еще долго думать? Разъ какъ-то ночью, когда всѣ спали, я быстро сдѣлалъ выемку въ одномъ изъ столповъ чулана,—онъ былъ построенъ въ столпы,—вывернулъ долотомъ бревно, влѣзъ въ чуланъ, взялъ свои бумаги, а потомъ вдвинулъ бревно опять на мѣсто. Только и всего.

— Пустяки,—пробормоталъ баринъ.

— Какъ только я захватилъ бумаги въ свои руки, такъ даже не просмотрѣвъ ихъ, не развязавъ шнурка, которымъ онѣ были перевязаны, завернулъ ихъ въ тряпку, спряталъ за пазуху и оставилъ Мошкину корчму.—Куда теперь итти?—подумалъ я. Еще мой страхъ не совсѣмъ прошелъ. А что, если Мошка меня обманулъ, показывая какіянибудь пустяшныя бумагу вмѣсто моихъ? А что, если я впотѣмахъ взялъ какойнибудь другой свертокъ? Надо было непременно съ кѣмънибудь посовѣтоваться, что въ такомъ случаѣ дѣлать. Вотъ переночевавши въ первомъ попавшемся стогѣ сѣна, пошелъ я на другой день къ знакомому кузнецу и все ему рассказалъ. Онъ первый окатилъ меня холодной водой.

— Плохо ты сдѣлалъ, парень,—сказалъ онъ мнѣ,—поди сейчасъ къ войту, расскажи ему все и отдай ему на сохраненіе бумаги.

— Замутило меня отъ этихъ словъ, но что же дѣлать? Вижу, совѣтъ умный, я и пошелъ. Пришелъ я къ войту и со двора еще увидалъ, что за столомъ на скамьѣ

сидить жандармъ. Мнѣ сразу словно что-то шепнуло, что тутъ мнѣ и конецъ. Остолбенѣлъ я, и не могъ уже ни шагу дальше ступить. Въ головѣ моей мелькнула мысль:— убѣжать! Но было уже поздно. Войтъ увидалъ меня и радостно крикнулъ:

— А вотъ и самъ онъ! Легокъ напоминѣ. Ну-ка, подойди поближе!

Вижу я, что все уже всплыло, что меня уже ищутъ. Вотъ я собралъ всю свою смѣлость и пошелъ въ избу.

— Какъ тебя зовутъ? спрашиваетъ меня жандармъ.

— Іоська Штернъ.

— Откуда родомъ?

— Не знаю.

— Ага, значить ты бродяга.

Я окаменѣлъ на мѣстѣ. Часто слышалъ я это страшное слово, слышалъ много страшныхъ исторій о томъ, что продѣлываютъ жандармы надъ бродягами, и всегда боялся этого пуще всего на свѣтѣ. И вдругъ, съ первой же минуты, самъ въ это попалъ!

— Да вѣдь я здѣшній,—простоналъ я,—господинъ войтъ меня знаетъ.

— Я? тебя?—говоритъ войтъ,—врешь, голубчикъ ты мой! знаю тебя въ лицо, знаю что зовутъ тебя Іоськой, и что ты служишь у кабатчика Мошки, но кто ты таковъ и откуда пришелъ этого я не знаю.

— А, такъ, значить, онъ въ глаза вретъ!—крикнулъ жандармъ и что-то записалъ себѣ въ книжечку,—поди-ка сюда,—сказалъ онъ потомъ мнѣ,—ближе! Смотри мнѣ въ глаза!

И въ ту же минуту, когда я поднялъ на него глаза, онъ своимъ тяжелымъ кулакомъ ударилъ меня по лицу да такъ, что я сразу упалъ наземь и кровью облился.

Вставать! сію минуту!—крикнулъ мнѣ жандармъ,—и не смѣть у меня кричать, а то еще лучше задамъ! А теперь, отвѣчай правду на мои вопросы. Ты служишь у Мошки?

— Да.

— Ты его обокралъ?

— Нѣтъ.

— Какъ же нѣтъ?

Я опять усталъ въ жандарма, утирая рукавомъ кровь съ лица, и опять здоровенный ударъ его повалилъ меня на землю.

— Господинъ жандармъ,—сказалъ на это войтъ, пока я гомозился, чтобы встать,—я, какъ начальникъ сельскаго общества, не могу спокойно смотрѣть на такое обращеніе съ арестантомъ. Я долженъ только присутствовать при составленіи протокола, а все, что дѣлается передъ протоколомъ, меня не касается. Если вы хотите учить его, что онъ долженъ говорить, такъ найдите себѣ другое мѣсто для этого, у меня этого нельзя.

Жандармъ закусилъ губы, а потомъ, не говоря ни слова, всталъ со скамьи, досталъ изъ своего мѣшка цѣпи, заковалъ меня и повелъ къ Мошкѣ въ корчму. Что тамъ дѣлали со мной, какъ меня учили говорить, не буду объ этомъ рассказывать. Я нѣсколько разъ падалъ въ обморокъ во время этого ученія. Да и недаромъ они злились. Я имъ сдѣлалъ большой убытокъ. Мошка сказалъ сначала жандарму, что я укралъ у него большія деньги, завернутыя въ бумагу. Онъ думалъ, что если меня поймаетъ жандармъ и приведетъ въ корчму, такъ онъ сейчасъ отыметъ у меня бумаги и сожжетъ, и я уже навсегда останусь у него въ кабалѣ. Какъ только я вошелъ въ корчму, первый же вопросъ мнѣ былъ:—

— Гдѣ деньги?

— Не знаю, я никакихъ денегъ не бралъ.

— А гдѣ бумаги?

— Я спряталъ.

— Гдѣ спряталъ?

— Не скажу.

Начали меня склонять къ сознанію сначала побоями, а потомъ добромъ, но я все свое твержу:—Я взялъ бумаги потому что онѣ мои, я даже не заглядывалъ, что тамъ.

Спряталъ я ихъ и никому не покажу, кромѣ войта.

Мошка чуть не сбѣсился. Со злости велѣлъ онъ стащить съ меня сапоги и одежду, какая на мнѣ была и одѣть меня въ эти лохмотья. Наконецъ, увели меня къ войту, избитаго и полуголаго.

Опять меня тамъ начали допрашивать о бумагахъ. Но я не дуракъ. Только, когда я увидалъ, что въ избѣ уже много свидѣтелей, пошелъ я въ сѣни и вытащилъ изъ щели бумаги. У войта сѣни были темныя, просторныя. Когда я первый разъ шелъ въ избу и увидалъ тамъ жандарма, я заткнулъ свой свертокъ въ щель, чтобы его у меня не отняли. Когда Мошка увидалъ свертокъ въ рукахъ жандарма, бросился къ нему какъ коршунъ, крича, что это его деньги, требуя, чтобы тотъ отдалъ свертокъ ему.

— Ну, нѣтъ, господинъ Мошка,—сказалъ войтъ,—такъ не годится. Мы должны все это представить въ судъ. Мы здѣсь составимъ протоколъ, и если только этотъ парень сознается, что онъ укралъ у васъ этотъ свертокъ, то это уже дѣло суда, какой дать этому дѣлу ходъ. Мы опечатаемъ все это, какъ оно есть, печатью сельскаго общества, и господинъ жандармъ доставитъ все во Львовъ вмѣстѣ съ арестантомъ. А вы уже будете доискиваться правды въ судѣ.

Мошка мой такъ поморщился на это, словно выпилъ штофъ своей собственной сивухи, но на это никто не обратилъ вниманія. Жандармъ сѣлъ писать протоколъ, а когда все было написано, войтиха дала мнѣ немного поѣсть, жандармъ опять меня заковалъ, и мы двинулись въ путь во Львовъ. Я думалъ, что умру отъ боли и стужи въ этомъ пути, да и до сихъ поръ не знаю, какъ я выдержалъ. Ахъ, баринъ, какъ же вы теперь думаете, что со мной будетъ?

— Ничего не будетъ,—отвѣтилъ Журковскій,—посидишь немного и пойдешь себѣ на волю. Да почему знать, можетъ быть еще, вся эта исторія къ твоей же пользѣ будетъ.

— Какъ же это?

— Ну, увидимъ. Человѣкъ никогда не знаетъ впередъ, что его ожидаетъ.

V.

Что-то дня черезъ два зовутъ Іоську, только не въ судъ, а къ доктору.

— Что бы это значило?—думаю я себѣ,—вѣдь онъ не заявлялся больнымъ.

— Самъ онъ не заявлялся,—говоритъ мнѣ Журковскій,—а если бы даже и заявлялся, такъ это бы ему ни, чего не помогло. Но я самъ о немъ заявилъ. Я былъ въ воскресенье у предсѣдателя и просилъ, чтобы велѣли его освидѣтельствовать. Вѣдь это ужасное дѣло, что тутъ творится. Такъ дальше продолжаться не можетъ.

И въ самомъ дѣлѣ, докторъ велѣлъ Іоськѣ раздѣться и написалъ о немъ протоколъ. Вышло ли что нибудь изъ этого, не знаю. Въ нашихъ судахъ дѣла идутъ такъ страшно медленно, что не всякій имѣетъ счастье дожидаться ихъ конца.

Между тѣмъ, Журковскій какъ-то говоритъ Іоськѣ:

— Послушай, парень, хочешь ты, чтобы я научилъ тебя читать?

Іоська вытаращилъ глаза на барина.

— Ну, чего ты такъ смотришь? Если только есть у тебя охота, такъ черезъ нѣсколько дней и зачитаешь. А если я увижу, что ты въ самомъ дѣлѣ не врешь, и память у тебя хорошая, такъ я уже такъ устрою тебѣ, что тебя примутъ въ ремесленное училище и ты научишься ремеслу, какому самъ пожелаешь.

— Ахъ, баринъ!—вскрикнулъ Іоська и повалился барину въ ноги, заливаясь слезами. Больше онъ ничего не могъ сказать, только цѣловалъ барину руки.

На другой день принесли барину букварь, и онъ сталъ учить Іоську читать. Черезъ два дня еврейчикъ умѣлъ уже узнавать и складывать буквы. А черезъ недѣлю онъ

уже читалъ короткіе отрывки почти плавно. Пристрастился онъ къ этому чтенію, какъ у насъ говорятъ, «какъ жидъ къ коломыйкѣ»^{*)}). Казалось, онъ готовъ былъ читать день и ночь, да только у насъ ночью свѣта не было. Насилу можно было оторвать его отъ книги для ѣды.

Когда уже темнѣло и нельзя было больше читать, Іоська садился въ уголокъ на свой матрацъ, поджималъ ноги, обхватывалъ ихъ руками и, такъ сидя съежившись, начиналъ рассказывать сказки. Говорилъ онъ ихъ безконечно и хотя казалось, что онъ повторяетъ все тѣ же чудеса и приключенія, все таки онъ умѣлъ ихъ каждый разъ иначе размѣщать и на иной ладъ рассказывать. А иногда прямо таки видно было, что онъ въ сказкѣ выводитъ передъ нами свои собственныя мечты. Рассказывалъ онъ о бѣдномъ парнѣ, который въ тяжелой бѣдѣ встрѣчаетъ колдуна-благодѣтеля, научается отъ него волшебнымъ словамъ и заклинаніямъ и идетъ странствовать, чтобы добыть счастье себѣ и другимъ. Въ трогательныхъ и вмѣстѣ простыхъ словахъ изображалъ онъ его страданія, встрѣчи съ жандармами, кабалу у кабатчика, иногда забавно перемѣшивая то, о чемъ говоритъ сказка, съ тѣмъ, что онъ самъ пережилъ.

Никогда еще не видалъ я мальчика, который бы съ такимъ жаромъ ухватился за книги, какъ Іоська. Въ эти нѣсколько недѣль онъ, казалось, хотѣлъ наверстать то, что пропустилъ за нѣсколько лѣтъ. Больше всего онъ сокрушался о томъ, что осенніе дни такъ коротки, а въ камерѣ такъ быстро совсѣмъ темнѣло. Наше единственное окошечко, обращенное къ западу и прорубленное почти подъ потолкомъ, пропускало свѣтъ очень скудно даже въ полдень; въ четыре часа уже невозможно было читать, а Іоська былъ бы радъ продолжать день вдвое. Наконецъ, разъ онъ закричалъ радостно:

^{*)} Коломыйка—короткая пѣсня, большею частью плясовая, съ несложнымъ мотивомъ, который можно повторять до бесконечности.

— Придумалъ! Я буду читать у окна! Тамъ скорѣе свѣтаетъ и дольше свѣтло, чѣмъ въ камерѣ.

— Неудобно тебѣ будетъ читать, стоя на подмосткахъ,—говорю ему,—впрочемъ, это для тебя слишкомъ высоко.

— Я буду такъ высоко сидѣть, какъ только захочу.

— Какъ же ты это сдѣлаешь?

— А вотъ привяжу простыню за два конца къ рѣшеткѣ, въ углубленіе положу одѣяло, свернувъ его въ трубку, и сяду на немъ, какъ въ сѣдлѣ.

И въ самомъ дѣлѣ, выдумка была очень ловкая, съ тѣхъ поръ всѣ въ тюрьмѣ такъ дѣлають. Нѣсколько дней Іоська положительно наслаждался окномъ, вставалъ въ шесть часовъ, какъ только немного разсвѣтало, дѣлалъ свой насѣстъ и, взгромоздясь на него, корпѣлъ надъ книгой, прижимаясь лбомъ къ самой рѣшеткѣ, только бы захватить какъ можно больше свѣта Господня. Мы съ баариномъ поочередно сторожили у дверей; когда шелъ тюремщикъ въ камеру, мы тотчасъ давали знать Іоськѣ, чтобы онъ слѣзалъ и снималъ свое приспособленіе, потому что арестантамъ строго воспрещается сидѣть у окна. И всегда удавалось намъ счастливо избѣгать напасти, а можетъ быть и тюремщикъ оказывалъ вниманіе Журковскому и не такъ уже строго смотрѣлъ за нашей камерой.

Но, къ несчастью, напасть подошла съ другой стороны.

Кромѣ коридорной стражи есть вѣдь у насъ еще и другая: подъ окнами тюрьмы ходитъ часовой, солдатъ съ карабиномъ. Ему строго приказано смотрѣть, чтобы арестанты не выглядывали въ окна, а особенно, чтобы они между собой не разговаривали черезъ окна. Военныя правила велятъ ему даже, въ случаѣ сопротивленія, употребить оружіе.

Правда, до тѣхъ поръ не было такого случая. Развѣ ужъ что-нибудь необыкновенное, если часовой уходилъ со

своего поста и докладывалъ начальнику караула, что изъ того или иного окна говорили или смотрѣли. Старшіе солдаты уже привыкли понимать, что предписаніе одно, а исполненіе—другое, и обыкновенно не счелъ ужъ строго придерживались предписаній. Многіе изъ нихъ преспокойно смотрѣли сквозь пальцы на всякій разговоръ, вообще, какъ говорится, давали поблажку; иной добродушно убѣждалъ или просилъ арестантовъ, чтобы они вели себя спокойно. Но хуже было, когда на часахъ стоялъ рекрутъ, который боится капрала пуще огня. Этотъ понималъ всякое приказаніе буквально. Если сказано ему «смотрѣть строго», то онъ понималъ это такъ, что всякаго арестанта, если онъ выставитъ голову въ окно, надо изругать изъ послѣднихъ словъ, донести капралу, а то даже и за карабинъ схватиться. Такимъ «клапачамъ» *) арестанты мстили тѣмъ, что во время его дежурства подымали самый страшный шумъ у оконъ, такъ что бѣдный рекрутъ иногда прямо бѣсился и на всякій крикъ изъ окна считалъ своей священной обязанностью отвѣтить, по меньшей мѣрѣ, такимъ же громкимъ и рѣзкимъ крикомъ. Но такъ какъ арестантовъ бываетъ всегда нѣсколько десятковъ, а часовой одинъ, то черезъ нѣсколько минутъ такого адскаго гама часовой обыкновенно умолкалъ и хватался за карабинъ. Конечно, тогда всѣ окна напротивъ него мигомъ пустѣли, а крикъ подымался на другомъ концѣ длиннаго арестнаго дома, и часовой, какъ травленный звѣрь, бѣжалъ туда и опять грозилъ карабиномъ—конечно, съ такимъ же успѣхомъ.

Такіе безпорядки бывали обыкновенно вечеромъ, но иногда случались и днемъ. Вотъ, къ несчастью, однажды днемъ, между третьимъ и пятымъ часомъ пополудни, стоялъ на часахъ именно такой несчастный рекрутъ. Съ самаго начала отпустилъ онъ грубость какому то арестанту, смотрѣвшему въ окно. Тогда поданъ былъ знакъ

*) На воровскомъ жаргонѣ „клапачъ“ значитъ солдатъ.

устроить «клапачу» «кошачью музыку». Со всѣхъ концовъ арестнаго дома, съ разныхъ этажей, изъ множества оконъ сразу посыпались крики, вызовы, свистъ и пронзительное мяуканье. Рекрутъ тоже кричалъ, бѣгалъ подъ всѣми окнами, но нигдѣ никого не могъ увидѣть. Доведенный до изступленія, онъ наконецъ замолчалъ и остановился на одномъ мѣстѣ, чтобы отдохнуть. Немного спустя, утихла и «кошачья музыка.» Казалось, настала полная тишина и спокойствіе. Въ камерѣ уже начало темнѣть, и Іоська устроилъ свое приспособленіе, влѣзъ на него съ книгой въ рукахъ, да такъ и прильнулъ къ окну. Едва только прочелъ онъ себѣ подъ носъ нѣсколько словъ, какъ вдругъ часовой, замѣтивъ его, подбѣжалъ и остановился противъ окна.

— Пошелъ вонъ отъ окна, мошенникъ!—закричалъ онъ Іоськѣ.

Іоська даже не слышалъ перваго окрика, такъ живо былъ заинтересованъ исторіей о цаплѣ и рыбѣ, которую онъ именно въ ту минуту читалъ.

— Прочь отъ окна!—еще громче крикнулъ часовой.

— Да чего тебѣ надо?—отвѣтилъ Іоська,—вѣдь я тебѣ не мѣшаю. Ты же видишь, что я читаю. Въ камерѣ уже темно, такъ я влѣзъ сюда къ свѣту.

— Пошелъ прочь или выстрѣлю!—рявкнулъ часовой и не успѣлъ Іоська слѣзть со своего насѣста, какъ раздался выстрѣлъ карабина.

— Ай!—крикнулъ Іоська и, какъ снопъ, повалился съ насѣста на кровать, стоявшую подъ окномъ. Ноги его судорожно задергались, а руки, державшія книгу, были прижаты къ груди. Изъ подъ листовъ книги брызгала кровь. Пуля попала прямо въ грудь.

— Что съ тобой? Куда ты раненъ?—вскрикнули мы оба, бросаясь къ Іоськѣ. Но онъ не отвѣчалъ, только черные глаза его блестѣли, какъ раскаленные угли, и казались страшными на этомъ мертвенно блѣдномъ лицѣ.

На дворѣ подъ нашимъ окномъ и въ коридорѣ у

нашей двери одновременно поднялся. шумъ. Тамъ военный караулъ прибѣжалъ на выстрѣлъ, а тутъ тюремщикъ съ помощниками искалъ камеры, въ которую стрѣляли. Они ворвались къ намъ.

— А, это здѣсь?—крикнули они, увидя лежащаго Іоську. А что, мошенникъ—жидъ, попало тебѣ на орѣхи?

Іоська метался еще и тихо стоналъ, все прижимая книжку обѣими руками къ груди, какъ будто стараясь заткнуть ею смертельную рану.

— Что онъ дѣлалъ?—спросилъ меня тюремщикъ.

— Да... я... только... къ свѣту...

Іоська хотѣлъ еще что-то сказать, да не хватило дыханія. Послѣднимъ движеніемъ отнял онъ руки отъ груди и показалъ тюремщику окровавленный букварь.

— Онъ читалъ у окна,—пояснилъ я тюремщику.

Въ эту минуту пришелъ изъ суда курьеръ съ бумагой, спрашивая тюремщика.

— Господинъ тюремщикъ,—заговорилъ онъ въ корридоръ,—гдѣ тутъ заключенный Іоська Шгернъ? Тутъ вотъ бумага изъ суда, чтобы выпустить его на волю.

А Іоська уже съ минуту какъ былъ свободенъ.

Издація „Донская Рѣчь“ въ Ростовѣ на Дону.

54. И. И. Митропольскій—На
плотахъ 3 к.	76. Е. И. Буганова—Что за
страна Японія 5 к.
55. В. Г. Короленко—Черкесъ
(съ 2 рис.) 4 к.	77. И. П. Вѣлюковскій—Какъ
живутъ японцы 8 к.
56. В. Вересаевъ—Звѣзда (восточн.
сказка) 1½ к.	78. Н. Д. Телешовъ—Хлѣбъ-
соль 1½ к.
57. Н. Д. Телешовъ—Противъ
обычая 2 к.	79. И. П. Вѣлюковскій—Корея 4 к.
58. А. Яблоновскій—Въ кон-
сультациі 3 к.	80. В. Г. Короленко—Соколи-
нецъ 7 к.
59. Пѣсни груди 5 к.	81. Е. Н. Чариковъ—Коля и
Колька 2 к.
60. Темный—Сироткинъ (изъ
жизни рабочихъ) 3 к.	82. С. Елеонскій—Грубяниъ . 7 к.
61. Только часть. А. Крайдов-
ской и др. рассказы 10 к.	83. С. Русова—Братья Граки 3 к.
62. В. Бунинъ—Надъ городомъ 1 к.	84. Н. Телешовъ—Нужда . . 1½ к.
63. Елнатъевскій—Отлетаетъ
мой соколикъ (изъ сибирск.
жизни) 2 к.	85. Избран. стихотв. Аленой
Телстого и др. поэтовъ . 3 к.
64. И. Ставиновичъ—Эмигрантъ 3 к.	86. К. Н. Воженко—На войну 5 к.
65. Избранныя стихотворенія
С. Я. Надсона и др. поэтовъ 3 к.	87. Э. Золя—Кровь 3 к.
66. Л. Андреевъ—Ангелочекъ . 3 к.	88. Тамъ—Елка въ Америкѣ . 3 к.
67. Л. Андреевъ—Жили-были . 3 к.	89. Г. И. Успенскій—Будка . . 3 к.
68. Скиталецъ—Атаманъ . . . 2 к.	90. В. Г. Короленко—Мгновеніе
и Огоньки 3 к.
69. А. Серафимовичъ—Въ ка-
мышатъ 2 к.	91. Пѣсни мира Сборн. стих. 2 к.
70. Н. Рубанинъ—Дѣдушка Вре-
мя 7 к.	92. В. Н. Данченко.—Соловьи-
ная ночь 1 к.
71. А. Яблоновскій—Завѣтная
мечта 3 к.	93. И. П. Вѣлюковскій—Страш-
ное мѣсто 1½ к.
72. С. Елнатъевскій—Присяж-
нымъ засѣдателемъ 2 к.	94. О. Мирбо.—Бродяга 1 к.
73. В. Вересаевъ—Къ спѣху . 1 к.	95. В. Поступаевъ—Пѣсни ра-
бочей жизни 10 к.
74. А. Серафимовичъ—Нальди-
нъ 3 к.	96. Н. И. Тимковскій—Травля 5 к.
75. Л. Мольшанъ—Маленькіе
люди 4 к.	97. И. Наживинъ—Волось Ма-
донны 1 к.
	98. И. Франко—Къ свѣту . . . 3 к.
	99. Е. Чариковъ—Въ отставку 7 к.
	100. Зарницы—Сборникъ стихо-
твореній 5 к.

Здѣсь же складъ.

- Ю. Гамбаровъ и И. Ковалевскій.—Русская Высшая
Школа общественныхъ наукъ въ Парижѣ 30 к.
- Е. А. Рубанинъ.—Искорки 1 р. —

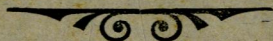
**Главный складъ книгоиздательства „Донская Рѣчь“
въ Ростовѣ на Дону, Пушкинская, № 131.**

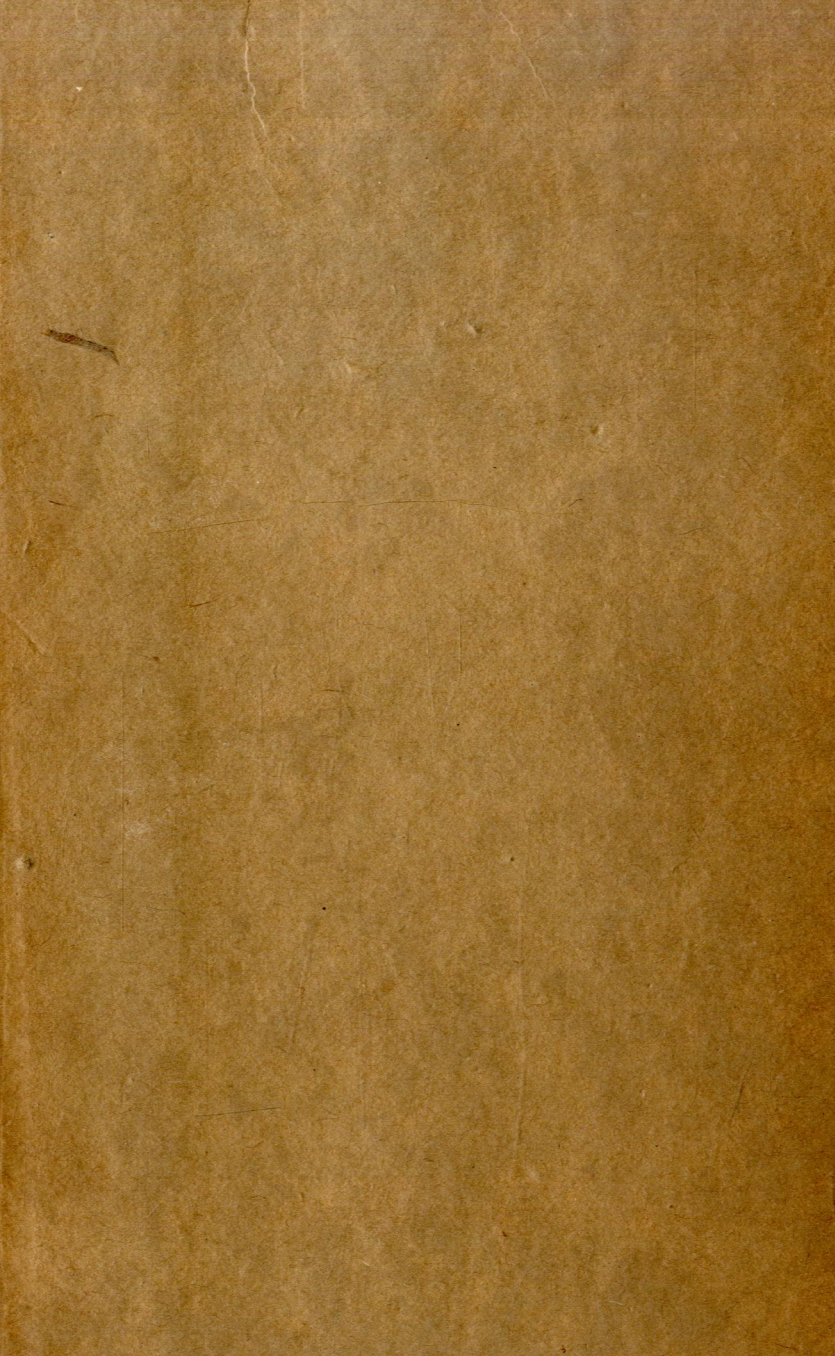
Лица, выписывающія на 2 руб. въ предѣлахъ Европ. Россіи
(просятъ деньги присылать впередъ. можно марками),
за пересылку не платятъ

Книжные магазины пользуются 30% скидкой;
при заказѣ на 75 руб. (Европ. Росс.) по желѣзн. дор.
пересылка принимается за счетъ издательства.

ОТДѢЛЕНІЯ:

- Въ Ростовѣ н-Д.—книжный магазинъ Г. Городецкаго, Б. Садовая.
Въ Петербургѣ—въ книжн. магаз. „Дѣло“, Пантелеймоновская, 13,
„ „ „ „ „ О. Н. Поповой, Невскій. 54.
Въ Москвѣ—въ книжномъ магазинѣ „Трудъ“, Тверская улица.
Въ Одессѣ—въ книжномъ магазинѣ „Образованіе“, Ришельевская ул.
Въ Вяткѣ {
„ Саратовѣ { книжные склады губернскихъ земствъ.
„ Харьковѣ {

31.639

$\phi \frac{\overline{IV}}{K-115}$